

Библиотека драматургии
Агентства ФТМ, Лтд.

Константин
Симонов

Так и будет

Библиотека драматургии Агентства ФТМ

Константин СИМОНОВ

Так и будет

«ФТМ»

1944-1970

Симонов К. М.

Так и будет / К. М. Симонов — «ФТМ»,
1944-1970 — (Библиотека драматургии Агентства ФТМ)

«Так и будет» относится к пьесам Симонова о последнем периоде Второй мировой войны, тонко уловившим умонастроения людей, находящихся в переходном состоянии от военного существования к мирной жизни. Героико-романтическая драма нанизана на жесткий каркас имущественного конфликта, а точнее, пресловутого «квартирного вопроса» – залог крепкой интриги во все времена. В годы войны в квартиры жильцов, считавшихся без вести пропавшими, вселяли других, потерявших жилье при бомбежке – вселяли официально, но на временных правах, с формулировкой «до возвращения законного владельца». Вот, в одну из таких квартир, в которой уже обосновалась интеллигентная семья видного архитектора, и приезжает на побывку с фронта главный герой пьесы – инженер-полковник Савельев, и его неожиданное появление катализирует все последующее действие. Зайдя в свой кабинет, он сразу отмечает, что фотографии его семьи (погибших в начале войны жены и дочери) по-прежнему висят на своих местах – безусловное свидетельство уважения к чужому личному пространству и душевной деликатности новых постояльцев. Да и сам полковник, будучи тактичным, решает не обременять собой незнакомых людей и поселиться на все время своего пребывания в гостинице. Обостренное чувство такта обеих сторон не мешает обеим сторонам подойти к ситуации с юмором и счастливо разрешить создавшееся напряжение совместным проживанием на общей территории. Пьеса сильна своими психологически выверенными персонажами, в том числе, и второстепенными: так, сослуживец полковника, майор Анна Греч – становится носителем ценностных ориентиров для Ольги, взрослой дочери архитектора, лишившейся матери в раннем детстве, а также, выступает своеобразным ангелом-хранителем влюбленных и поддерживает зарождающееся чувство

между Савельевым и Ольгой, которые, в силу разных причин, не признаются в этом даже сами себе. Финал – по-чеховски размыт: полковник опять уезжает на фронт, но, следуя логике общего жизнеутверждающего тона пьесы, квартирного уплотнения, на сей раз – по собственному желанию, героям не миновать.

© Симонов К. М., 1944-1970

© ФТМ, 1944-1970

Содержание

Действующие лица	6
Действие первое	7
Картина первая	7
Картина вторая	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Константин Симонов
Так и будет
Пьеса в двух действиях,
шести картинах

Действующие лица

Федор Алексеевич Воронцов – академик архитектуры, 55 лет.

Тетя Саша – его сестра, 60 лет.

Оля – его дочь. 23 года.

Дмитрий Иванович Савельев – инженер-полковник, 40 лет.

Вася Каретников – его адъютант, лейтенант, 28 лет,

Ваня – воспитанник Савельева, 13 лет.

Полковник Иванов – артиллерист, 40 лет.

Анна Григорьевна Греч – майор медицинской службы, 42 года.

Степан Степанович Чижов – управляющий домом, 50 лет,

Сергей Николаевич Синицын – архитектор, 20 лет,

Надя – старший сержант, зенитчица, 28 лет.

Дело происходит в Москве летом 1944 года.

Действие первое

Картина первая

*Москва, начало осени. Большая общая комната в квартире Воронцова. Три двери. У круглого обеденного стола за утренним поздним чаем **Воронцов** и **Надя**.*

Надя. Ну, как блинчики мои? Хуже не стали?

Воронцов. Лучше. Как все после долгой разлуки.

Надя. Я на батарее девочкам тоже иногда пеку.

Воронцов. Хвалят?

Надя. Хвалят. Это как развлечение – вдруг блинчики испечь. Скучно.

Воронцов. А тебе непременно чтоб бомбы? Наш-то старый дом проморгала. Мало тебе? Ты что же, теперь сержант?

Надя. Старший.

Воронцов. Старший. А нос все курносый. После войны обратно ко мне в работницы не пойдешь?

Надя. Не пойду.

Воронцов. И не ходи. Занятие обидное и вымирающее. Ну, как тебе моя Ольга после разлуки?

Надя. Еще лучше стала.

Воронцов. Уж сибиряки сватались, сватались.

Надя. Жалко, Виктор Иванович погиб.

Воронцов. Да. Вот тут, бывало, сидел. Но любил сладкий чай, помнишь?

Надя. Помню.

Воронцов. И погиб. Не муж ей был, но помнить себе о нем велела.

Надя. И помнит?

Воронцов. Помнит. Пока. До любви. Ведь память – она только от напрасного охраняет. А придет любовь, все сломает.

Надя (*кивнув на дверь*). А Сергей Николаевич все дружит, ходит.

Воронцов. Дружит. Все мы так. Дружим, дружим...

*Оля выходит из своей комнаты вместе с **Синицыным**.*

Оля. И беру с тебя слово: после лекции – сразу к нам.

Синицын. Хорошо.

Воронцов. Первая публичная? Волнуешься?

Синицын. Немножко. До свидания. (*Уходит.*)

Оля (*в дверях*). Приходи. А то поссоримся.

Воронцов. По-моему, и так поссорились.

Оля. Пока нет.

Пауза.

Дай блинчик!

Воронцов (*отправляя блинчик в рот*). Какой блинчик? Вот у сержанта проси.

Надя (*улыбнувшись*). Нажарить?

Оля. Нажарь. Мы его выгоним в кабинет, а сами тут, как он выражается, – навернем.

Надя выходит.

Воронцов. Объяснился?

Оля (*кивнув*). И главное, зачем? Все было так хорошо.

Воронцов. Молчание – золото? Да? А мысли?

Оля. Что мысли?

Воронцов. Мысли его на этот предмет тебе – что – неизвестны были? А впрочем, сам виноват. Любитель слишком длинных осад. Глупо. Я сторонник штурмов. Штурмовал твою мать три дня и счастливо жил с ней до ее смерти. Итак, он сказал тебе «будь моей», а ты предложила ему взамен чистую дружбу? Так?

Оля. Не совсем так, но, в общем, да.

Воронцов. Не поймет.

Оля. Почему?

Воронцов. Потому что мужчина. Будет ходить и надеяться. Я в этих вопросах за старинное варварство: «Я прошу вашей руки, Глафира Степановна». – «Нет, я не буду вашей женой, Тимофей Лукич». – «Прощайте, Глафира Степановна». Цилиндр в руки, и больше в этот дом ни ногой. А вы: «Сереженька, приходи вечером, а то я рассержусь. И завтра приходи, и послезавтра. Будем вместе смотреть альбомы и пить чай с папой!»

Оля. А знаешь, ты, как фокусник, – раз, и самую серьезную вещь вдруг вывернешь так, что она выглядит глупо.

Воронцов. А почти в каждой серьезной вещи есть своя глупая сторона!

Оля. Что ты злишься на меня?

Воронцов. На тебя? Я на него злюсь. Он же талант! Я то вижу. Он когда за проектную доску садится, чертом делается. Когда-нибудь такие города строить будет, что нам и не снилось! Я в сорок первом сам в ополчение пошел, а его, молокососа, забронировал, думаешь, так просто? Талант... А, душа не по таланту. Средняя душа, небольшая. Ему бы, по его таланту, такую душу иметь, чтоб в ней все потонуло – и Виктор твой, и воспоминания. Такую душу – чтоб сгреб в нее тебя, как медведь, и не выпустил бы. Нет, где там...

Оля. Папа.

Воронцов. Что?

Оля. Если бы ты был не ты, а я – не я и тебе было бы лет на двадцать меньше, я бы тебя непременно полюбила.

Воронцов (*ворчливо*). Слава богу, нашла наконец подходящего жениха. (*Подходит к этажерке, достает фотографию.*) Вот, пожалуйста, в двадцать четвертом году снимался. Возьми. Носи с собой в сумочке и смотри на проходящих мужчин, когда увидишь похожего, – знай, жених!

Оля. Опять ты! А я почти серьезно.

Воронцов. А я тоже – почти серьезно.

Звонок. Оля уходит в переднюю. Возвращается с Чижовым.

Чем могу служить?

Чижов. Товарищ Воронцов, я в больнице был, когда вас сюда поселили...

Воронцов. Так точно. После возвращения из эвакуации третий месяц в ваших палатинах живу, поскольку мой немец разбомбил.

Чижов. Эта квартира, я хотел вас предупредить, инженера Савельева была, Дмитрия Ивановича... Вам ничего не говорили?

Воронцов. Ничего. Сказали, что вещи тут стоят, когда нужны будут – заберут.

Чижов. Вот именно, вещи. Это Савельева вещи. Надо вам сказать, как на грех, аккуратно перед войной он с женой и дочерью на курорт какой-то поехал возле границы. И предполагается, что погиб там с семейством, иначе бы известия были.

Оля. Это их фотографии в той комнате стоят?

Чижов. Их. Ну, раз вы даже ихние фото не тронули, мне вам незачем объяснять про сохранность. Конечно, об них и слуху нет, но я сам в ополчении был, знаю: пока без вести – это еще не помер!

Воронцов. В какой ополченской были?

Чижев. В нашей, Бауманской.

Воронцов. Стало быть, однокашники.

Чижев. А разве вы тоже?

Воронцов. Тоже! Не тоже, а я, милый, отделенным был, Оля, ну-ка налей по маленькой бывшим однополчанам.

Входит Надя.

Надя. А вот и блинчики.

Воронцов. Давай сюда. За ползающих и перебегающих, невзирая на возраст! *(Пьет.)*

Оля. Пропали мои блинчики...

Надя. Еще сжарим.

Оля. Какое там «сжарим», и так опаздываю. *(Быстро целует отца.)*

Воронцов. Вот женщины, Чижев. Мы с тобой, может быть, в соседних окопах лежали, а ей блинчиков жаль.

Оля. Лежали, стреляли, ползали. Воевал две недели, а уж разговоров...

Воронцов. А чем меньше человек воевал, тем он больше об этом разговаривает. Это уж такой закон природы.

Оля выходит.

Верно, Чижев?

Чижев *(поднимаясь)*. Верно. Рад я, что в хорошие руки квартира эта...

Воронцов. Да уж хорошие не хорошие, а как бывший однокашник, должен ты мне первому все поблажки делать – там свет включать, воду пускать...

Чижев. Безусловно.

Воронцов. Ты куда спешишь-то?

Чижев *(разводя руками)*. Ремонт.

Воронцов. А мне бы тут тоже неплохо – ремонт по знакомству, а? Как это поют-то: «Вспомню я пехоту, и родную роту...»

Чижев *(неожиданно подтягивает уже в дверях)*. «И тебя за то, что ты дал мне закурить».

Воронцов. Вот, вот.

Чижев выходит.

Вот именно. *(Не очень уверенно повторяет.)* «Вспомню я пехоту, и родную роту, и тебя за то, что ты дал мне закурить».

Надя. Федор Александрович, а я и не знала, что вы в ополчении были.

Воронцов *(недовольный тем, что она слышала, как он пел)*. Был. Объявили ополчение – и пошел. Три недели был. На четвертую вызвали к командиру батальона. «Воронцов?» – «Воронцов». – «Тот самый?» – «Тот самый».

Надя. Ну?

Воронцов. Что «ну»? Ну, и изъяли. Отправили в эвакуацию чуть не под конвоем. Вот, курносая, какие дела... Надоело в небо палить, а? Замуж хочешь?

Надя. По правде, Федор Александрович?

Воронцов. А соврешь – не поверю.

Надя вдруг, присев, закрыв лицо передником, всхлипывает.

Ну, чего?

Надя *(вытирая глаза)*. Ничего. Так бы... Так бы...

Воронцов. Что «так бы»?

Надя. Так бы его любила. Так бы ему хорошо было. Так бы...

Воронцов. Бедные вы, бабы, военные и не военные. Но плачь, Надежда, не плачь. Имя у тебя такое – плакать тебе нельзя.

Звонок. **Надя** выходит и возвращается с **тетей Сашей**. Это шестидесятилетняя женщина, одетая по-деревенски.

Знакомься, Надежда, – сестра моя. Садись, Саша. (*Подмигнув Наде.*) Может, водочки тебе налить?

Тетя Саша, строго поглядев на него, молча убирает в шкаф штоф и рюмки и только после этого садится.

(*Проводив взглядом штоф, встает.*) Однако заговорился с вами. Работать надо. (*Смотрит на Надю и на тетю Сашу.*) Александра Александровна. Старшая сестрица. Умнейшее в нашей семье существо, хотя и без высшего образования. Месяц назад из деревни Новые Дворы из-под Новгорода привез, откуда и сам произошел. Уже все знает, что где дают и где очередь меньше.

Тетя Саша. Все болтаешь, Федя. Балабол ты.

Воронцов. Кто?

Тетя Саша (*спокойно*). Балабол. Иди, иди, а то заговоришь, обед не сготовлю.

Воронцов уходит в кабинет.

Надя. Я вам помогу. У меня сегодня отпускной день. Я у ваших раньше в работницах была.

Тетя Саша. Угадала. Говорили про тебя.

Надя. А вы так всю жизнь в деревне и жили?

Тетя Саша. Так и жила. Нас шесть девок было, так отец на нас – тьфу. Что мы ему? А его в семинарию определил. А потом уж он сам... (*Смотрит на стол.*) Это, что ли, твои блины-то хваленые? На чем печешь?

Надя. На соде.

Тетя Саша. Я им тут на дрожжах пекла. Не хороши им, все твои поминали. На соде, значит. (*Идет к двери.*) Пойдем, что ли, на кухню.

Надя. Пойдемте.

Тетя Саша. А фартук все же надела, мундир замарать боишься. Баба, она и есть баба, как ты ее ни ряди.

Тетя Саша и **Надя** выходят. В передней слышен скрип поворачиваемого ключа, потом голоса. В столовую входит **Савельев** в полковничьей шинели. Вслед за ним – **Вася**. Оба ставят на пол чемоданы.

Савельев. Ну, вот мы и дома. (*Устало опускается в первое попавшееся кресло.*) Да, Вася, странно, три года – и вдруг как будто ничего не переменилось. Да... (*Хлопает рукой по ручке кресла, смотрит на кресло.*) Первый раз в жизни вижу. Нет, шкаф мой. А стол не мой.

Воронцов (*появляясь в дверях кабинета*). Стол мой.

Они смотрят друг на друга, **Савельев** встает. **Вася**, до сих пор стоявший, от удивления садится.

Воронцов. Будем знакомы. Воронцов.

Савельев. Савельев.

Воронцов. Савельев... Савельев?..

Савельев. Савельев.

Воронцов. Ну, коли Савельев, садитесь. Будьте как дома, тем более что вам это нетрудно себе представить.

Савельев. Спасибо.

Оба садятся.

Воронцов. В первую минуту не узнал вас, признаться. (*Показывает на его шинель и погоны.*) Переменились.

Савельев. Переменился?

Воронцов. Да. Фотографии ваши видел здесь, в квартире. Довоенные. Совершенно гражданским лицом были. Одни или с семейством прибыли?

Савельев. Один.

Воронцов. Прошу прощения за вторжение в вашу квартиру. Вселен вроде по закону, но чувствую себя сейчас несколько на воровском положении.

Савельев. Честно говоря, сам не рассчитывал после трех лет... Так, на бога заехал. *(Кивнув на Васю.)* Адъютант растерялся, в гостинице номер не достал. Решил: была не была, загляну на пепелище. Пока война – претензий не имею. В Москву на несколько дней всего. С вашего разрешения оставляю пока вещи. Надо ехать в наркомат. А к вечеру *(кивает на Васю)* он номер достанет.

Вася. Так точно.

Савельев. Простите, имя-отчество ваше?

Воронцов. Федор Александрович.

Савельев. Мое – Дмитрий Иванович. *(Смотрит на Воронцова.)* Ваше лицо мне знакомо. Где-то вас видел.

Воронцов *(пожав плечами)*. Если по профессии строитель или архитектор, могли видеть на съездах...

Савельев. Угадали – строитель, и видел на съездах. И дома ваши знаю, и мосты, и книги. Кто же из нашего брата строителей вас не знает. Ну, что ж. Рад, что это пепелище по крайней мере хоть в хороших руках... Вася, чего ждешь? В гостиницу! И чтоб к восемнадцати часам прибыл сюда и доложил, что номер готов. К восемнадцати и я буду здесь.

Воронцов. Подождите, молодой человек.

Вася задерживается.

Савельев *(встав)*. Иди.

Вася, козырнув, выходит.

Воронцов. Присядьте еще раз, полковник.

Савельев садится.

Значит, так: квартира эта – не пепелище, заметьте, а квартира, и не вообще, а именно сейчас – ваша! Не сомневаюсь, что для меня подыщут другую квартиру. Но не в этом суть. Прошу выкинуть мысли о гостинице и вашу командировку жить здесь. В вашем кабинете все как было, так и осталось. Там и живите. И не спорьте со мной.

Савельев *(подходит к двери кабинета, приоткрывает ее и, снова захлопнув, возвращается)*. Два раза за войну был накоротко в Москве, но не заходил. И сегодня не надо было.

Воронцов. Почему?

Савельев. А потому, что, как у многих людей, представьте себе, до войны у меня были жена и дочь. И жили именно здесь.

Воронцов. Понимаю. Но все же вы зашли сюда?

Савельев. Зашел.

Воронцов. А раз уж зашли – то я не отпущу вас. И если не хотите, чтобы я собственноручно вытащил свои вещи на тротуар и разбил там палатку, вам придется, пока вы в Москве, жить здесь, в своем кабинете. А там сообща разберемся.

Савельев. Ценю ваше великодушие, но вы даже не знаете, какую обузу собираетесь взять на себя.

Воронцов. Знаю. В первый раз фронтовика, что ли, вижу, который в Москву приезжает? Водку будете пить, друзья к вам будут ходить, шум будете устраивать. Все знаю. Тем лучше. Буду сам с вами и, водку пить, и шуметь! И не спорьте со мной. *(Кричит.)* Надежда!

Надя. Что?

Воронцов. Иди в первый этаж, за управдомом. Веди его сюда.

Надя выходит.

Савельев. А зачем управдом?

Воронцов. Напрасный вопрос. Теперь я командую. Нужен управдом – и все. Что это вы в шинели сидите? Снимайте.

Савельев. Есть снять шинель. *(Снимает шинель и кладет на чемодан. На гимнастерке у него несколько орденов.)*

Воронцов. Ишь какой иконостас. Как в небольшой сельской церкви.

Савельев. Воспоминание о реках и мостах.

Воронцов. Строите?

Савельев. Полтора года рвал, а теперь скоро два, как строю. Рискую вас огорчить, но, кажется, и ваш один – взорвал.

Воронцов. Где?

Савельев. Через Донец. Ваш?

Воронцов. Ах вы бандит. Неужели взорвали?

Савельев. Взорвал. В сорок втором.

Воронцов. Первый мой мост, так сказать – первое уродливое, но любимое дитя. Может, вам еще и орден за это варварство дали?

Савельев. За это? Нет.

Воронцов. И правильно сделали.

Входят Надя и Чижов.

Чижов, хочу тебя с одним полковником познакомить.

Савельев. Чижов!

Чижов *(окаменев)*. Нет, Дмитрий Иванович, это не вы.

Савельев. Ей-богу, я.

Чижов. Нет, это не вы.

Савельев. Ну, не я – так не я. Здравствуйте, Степан Степанович.

Чижов. Здравствуйте.

Савельев обнимает его и целует.

Воронцов. Вот так, наверное, будет при коммунизме: все управдомы будут целоваться со своими жильцами.

Чижов *(смотря на Савельева, машинально пальцем считает, ордена)*. Раз, два, три, четыре, пять... шесть... Дмитрий Иванович, это они тут без меня товарища Воронцова вселили. Вы же сами никаких известий не давали. Так они в жилотделе решили...

Савельев. Ничего, Степан Степанович. Не волнуйтесь, разберемся.

Чижов. И мебель ваша цела. И два чемодана у меня в кладовой лежат. Как эвакуация началась, я как раз с фронта после ранения вернулся, в два чемодана все ваше собрал, и под замок. Костюмы ваши, часы-будильник, рубашки. Сейчас принесу вам.

Савельев. Успеете.

Чижов. Нет, уж я сейчас. *(Идет к дверям. Видя, что Воронцов отвернулся, возвращается, шепотом говорит Савельеву.)* Они люди культурные, ничего не тронули. *(Быстро выходит.)*

Воронцов. Вот видите. Даже чемоданы нашлись. Рубашки, костюмы, часы-будильник. Куда ж теперь уезжать отсюда!..

Савельев. Да, теперь затруднительно.

Воронцов. В шесть часов прошу к обеду.

Савельев. Спасибо. *(Улыбнувшись.)* Разрешите идти?

Воронцов. Так и быть, идите.

Савельев выходит.

Воронцов идет в кабинет и, вытащив оттуда пишущую машинку, халат и еще какие-то свои вещи, на ходу кричит.

Надежда, Александра!

Входят тетя Саша и Надя.

Ту комнату очищайте! Табак, бумаги мои, все – долой!

Тетя Саша. Чего это вдруг-то?

Воронцов. Переезжаю.

Тетя Саша. Куда?

Воронцов. К тебе. А все эти свои поневы и кокошники тащи к Ольге в комнату. С ней будешь жить, вдвоем. И к обеду чтоб водка была.

Входит Чижов, ставит на пол два чемодана, оглядывается.

Чижов. А где Дмитрий Иванович?

Воронцов. Уехал. К обеду будет. Что там у тебя в чемоданах?

Чижов. Придет – поглядит.

Воронцов. Нечего ему глядеть. Мы и без него поглядим. *(Открывает чемодан, достает костюм, бросает на диван.)* Не годится. *(Достает другой костюм.)* Вот этот, синий, хорош будет. Надежда, гладь этот костюм, чтоб готов был к обеду. *(Чижову.)* Что смотришь? Не украду – не бойся. Ишь, нафталину насыпал, как в египетской гробнице. А ну давай, у меня там чертежная доска, вынесем! *(Уходит с Чижовым в кабинет.)*

Надя и тетя Саша стоят в полной растерянности. Воронцов и Чижов вытаскивают из кабинета чертежную доску.

(Тете Саше.) Это к тебе пойдет!

Надя *(робко)*. Федор Александрович.

Воронцов. Ну?

Надя. Там ваш водитель, когда я выходила, говорит: «Может, Федор Александрович забыл, что ему к двенадцати в академию на заседание ехать?»

Воронцов. Чего? Заседание? Ну, конечно! Доски вам таскай, а люди ждут. Где моя шляпа? Лежала тут шляпа. *(Замечает в открытом чемодане кепку Савельева, надевает ее, подходит к зеркалу.)* Ну, ничего?

Чижов *(растерянно)*. Ничего.

Воронцов. И даже – хорошо! *(Сбивает кепку набекрень.)* Идет. *(В дверях, Чижову.)* Не бойся, верну! Давайте мне тут все побыстрее переставляйте.

Тетя Саша. И чего это ты затеял, балабол? Чего это ты пожар-то сделал?

Воронцов *(в дверях)*. Человек приехал. Жить здесь будет.

Картина вторая

Вечер того же дня. Воронцов раздраженно ходит по комнате. На стуле с унылым видом сидит Вася.

Воронцов. Сколько времени?

Вася. Двадцать один час.

Воронцов. А по-человечески?

Вася. По-человечески – девять.

Воронцов. Не могу я его больше ждать. Мне ехать надо... Я уеду, а он тут без меня удерет. Номер ему достали?

Вася. До двадцати двух часов. Если не явимся – разбронировуют.

Воронцов. И очень хорошо. И пусть разбронировуют.

Вася. А вы знаете, что мне за это от полковника будет?

Воронцов. Ничего, голову не оторвет! Добро б кадровый был, а то, как и я, – по сути – гражданский человек!

Вася. Гражданский? Ого-го!

Воронцов. А вы сами до войны военным были или тоже гражданский?

Вася. Был когда-то артистом.

Воронцов. Оперным?

Вася. Нет, драматическим.

Воронцов. Ну, это еще так-сяк.

Вася. С вашего разрешения, пойду в гостиницу, проверю.

Воронцов. Подождите, подвезу, мне тоже ехать. *(Вдруг перейдя на «ты».)* А хотя нет, – раз номер бронировать хочешь – не повезу. Иди пешком.

Вася выходит. Входит Оля.

Оля. Все еще не уехал? Ждешь своего полковника?

Воронцов. Черт бы его драл. К обеду не явился! Перетащила к себе тетку?

Оля. В основном. Она с ног свалилась, спит.

Воронцов. И очень хорошо. А то ходила бы тут, под ногами путалась – «балабон», «балабон». А что это за слово – и сама не знает. Балабон! Ну, я иду.

Оля. Ты уже полчаса это говоришь.

Воронцов. А я всегда о том, что я иду, говорю заранее, – надо привыкнуть. Поеду и вернусь в эти... как их... в двадцать три часа. А ты изволь, чтобы полковник не смел никуда удирать. Чтоб распаковался, принял ванну и вообще, чтобы, когда я вернусь, мне уже с ним не спорить. Надоело. Поняла?

Оля. Постараюсь, насколько это в моих слабых силах, задержать столь драгоценного для тебя полковника.

Воронцов. Он не драгоценный, дура! Он человек, у которого все пропало! Он на пепелище приехал, а тут какие-то черти новоявленные живут, вроде нас с тобой. Он прекрасный, деликатный человек. Он, может, сто мостов под огнем построил. И даже один мой взорвал, черт бы его драл... И не смей ворчать, что тетку к тебе переселил! Ну, я иду.

Оля. Хорошо.

Воронцов. Что хорошо?

Оля. Иди.

Воронцов. Я сам знаю, когда мне идти. *(В дверях.)* И чтобы, когда я приду, полковник тут был. *(Выходит, снова просовывает голову в дверь.)* Дмитрий Иванович зовут его. *(Уходит.)*

Оля, оставшись одна, несколько раз проходит из кабинета в другую комнату и обратно, перенося какие-то, очевидно последние, вещи. Потом берет в столовой кувшин с цветами и переносит его в кабинет. Возвращается. В передней слышен звук поворачиваемого ключа. Стук в дверь.

Оля. Войдите.

Входит Савельев.

Савельев *(входя).* Простите.

Оля. Пожалуйста, Дмитрий Иванович. Да?

Савельев. Так точно.

Оля. Отец велел мне вас встретить и не отпускать отсюда вообще, и до его прихода в частности.

Савельев. Так это ваш отец?

Оля *(невольно улыбаясь).* Да.

Савельев *(тоже улыбается).* Решительный человек! Разговаривал со мной, по крайней мере, как командующий армией. Итак, мне приказано ждать его?

Оля. Да. *(Проходит через комнату, открывает дверь в кабинет.)* Вот ваша комната. На диване вам постелено. Он удобный.

Савельев. В общем – да.

Оля. Хотя, что я говорю глупости. Это же ваш диван. Костюм, по выбору отца почему-то синий, отутюжен, висит на кресле. Что еще? Полотенце, мыло и все прочее – в ванной. Газ зажигать умеете? Хотя опять, что я... Что еще?... Да. Обед вам оставлен, сейчас принесу.

Савельев. Спасибо, я пообедал.

Оля. Тогда будете пить чай. *(Выходит.)*

Савельев подходит к двери кабинета, на секунду задерживается, потом решительно проходит туда.

(Входя.) Дмитрий Иванович!

Савельев *(из кабинета).* Сейчас. *(Входит.)* Скажите, вы там эти фотографии развешили, пока я в наркомате был?

Оля. Нет, они все время так и висели.

Савельев *(очень серьезно).* Спасибо.

Оля. Почему спасибо?

Савельев. Так вот, бывает, тронет человека какая-нибудь мелочь. Мой адъютант тут не появлялся?

Оля. Появлялся.

Савельев. Не знаете, достал мне номер?

Оля. Кажется, да.

Савельев. И куда ж он исчез?

Оля. Поехал стеречь ваш номер, чтобы его не разбронировали. Как вам, покрепче?

Савельев. Скажите откровенно, когда придет ваш папа, он мне опять прикажет пить чай?

Оля. Очевидно.

Савельев. Тогда простите великодушно, но я уж его подожду.

Оля. Когда мне отец сказал, что вы приехали, я посмотрела на вашу фотографию, и мне странным показалось, что этот штатский человек в пиджаке вдруг полковник.

Савельев. Самому сначала странно было, а потом ничего, привык. Впрочем, полковник я всего неделю.

Оля. Вы что, в отпуск?

Савельев. Как вам сказать... Приехал за назначением. Но в дни временного затишья у нас стараются дать человеку попутно отдохнуть, по Москве походить. Завтра воскресенье, употреблю на это весь день.

Оля. Куда же вы пойдете?

Савельев. В самые непредвиденные места. Скажем, в зоопарк или вдруг в планетарий. Куда потянет, туда и пойду, сам еще не знаю. А вечером в театр, но только чтобы пьеса без стрельбы. А может, вообще, никуда не пойду. Задрал ноги, буду лежать в гостинице на диване.

Оля. Опять в гостинице!

Савельев. Слушайте, это ведь несерьезно! Влезет в дом чужой человек, будет болтаться тут у вас под ногами! Кому это надо? Поверьте, ценю и благородство вашего отца, и вашу доброту, даже, как видите, не могу удержаться от соблазна вымыться и заночевать, но завтра – сами понимаете! И не на что тут сердиться.

Оля. И не понимаю, и сержусь. Что значит «чужой человек»?

Савельев. Очень просто – чужой.

Оля. Не знаю. Неужели на фронте, когда к вам кто-нибудь неожиданно приедет, вы его у себя в землянке не поселите?

Савельев. Так то же на фронте!

Оля. А я никогда на фронте не была и, наверно, не буду, но я хочу, чтобы тут было так же. Неужели так нельзя не только на фронте, но и просто в жизни? И молчите. И не спорьте.

Савельев улыбается.

Что смеетесь?

Савельев. Вы говорите точно, как ваш отец, – и молчите, и не спорьте.

Оля. Да, и молчите, и не спорьте. И ни в какой гостинице с ногами на диване вы завтра не будете лежать, а я возьму с собой своих друзей, и все вместе пойдем куда захотите, – в зоопарк или на пьесу, где не стреляют!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.